

Улица генерала или Гмырь

Действующие лица:

Филипп

Лариса (его жена)

Ипполит

Человек в халате (вариант в камуфляже)

Механический голос с улицы

Детский голос из-за двери

Голоса полицейских (два или три голоса, произвольно чередующиеся, или звучащие хором)

Комната, в передней стене — ниша или короткий коридор, в конце которого — дверь. Слева — окно, справа — проход на кухню или куда-то.

Посреди комнаты — длинный стол, за ним сидят Филипп, Лариса и Человек в халате.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Филипп (*смотрит в окно*). Никого не видно.

Человек в халате. Не видно кого-то конкретно, ты хочешь сказать.

Филипп. Может быть, и кого-то конкретно.

Лариса. Ты мог бы назвать даже имя.

Филипп. Ну, Ипполит. А смысл?

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Лариса. Иногда думаю, кто был этот Шестопанов. Может быть, генерал?

Филипп. Тогда она называлась бы «Улица генерала Шестопанова».

Лариса. Ты думаешь?

Филипп. Обязательно.

Человек в халате. Отсюда следует, что генерал отпадает.

Лариса. А мне хотелось, чтоб генерала.

Филипп. Не все ли равно?

Человек в халате. Я встречал одного зубного врача по фамилии Трезубов.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Лариса. Тогда, может быть, это писатель. Писателей много.

Филипп. Я вообще никогда не задумывался над тем, чья это улица.

Лариса. Разрешен, разрешен, разрешен... Я тоже не задумывалась, пока под окном не поставили эту голосилку.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Лариса. А может быть, это врач, изобретатель, или другой известный человек. (*Выходит на кухню.*)

Филипп. Я и сейчас не задумываюсь (*Подходит к окну, смотрит.*)

Лариса (*возвращаясь с чайником*). Или не особенно известный, раз мы его не знаем.

Человек в халате. Можно считать, что он известен косвенно.

Лариса. Как это? (*Начинает разливать чай по чашкам.*)

Человек в халате. Мы знаем его имя, поэтому знаем как бы и его самого, не знаем только, кто он. Хотя даже если перед фамилией Шестопанов было написано «генерал» или «поэт»,

это, строго говоря, не много бы изменило. (*Кладет себе кусок пирога, ест, пьет чай.*) Получили бы мы единственно верный ответ на вопрос «кто?». Сомневаюсь. Потому что для кого-то он генерал, для кого-то поэт (нет причин, по которым одно и другое не могло бы иметь места одновременно, поэтому — представим). А для кого-то он, может быть, муж, для кого-то — любовник, для кого-то другого — сосед по дачному кооперативу, или начальник, или просто дядя. Этот другой так и ответит, когда вы его спросите: «Это мой дядя». Но такой ответ маловероятен в контексте названия улицы.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Человек в халате. И даже если он действительно окажется дядя, то ведь не по этой причине его именем назвали улицу — и не это вы хотели узнать, спрашивая. Этот факт может быть разве что дополнительным бонусом к ответу. Хотя не исключена опять же возможность, что...

Филипп (*прерывая говорящего*). Мы что, собираемся распивать здесь чай? Как будто ничего не произошло? (*Подходит к окну, выглядывает.*)

Лариса (*продолжая разливать чай*). А ничего и не произошло. Ничего еще только произойдет.

Филипп. Я не буду пить.

Лариса. Будешь, не будешь — твое дело. Но когда он придет, ты, наконец, скажешь ему...

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Филипп. Заканчивается, заканчивается... Удобнее будет, если это ты ему скажешь.

Лариса. Не торгуйся, мы, кажется, с тобой обо всем договорились.

Филипп. Я думал, мы договорились, что именно ты.

Человек в халате. Иногда говорят «договорились», хотя, может быть, оно и близко к этому не лежало.

Лариса. Лежало, лежало...

Филипп. Может быть, он еще не придет сегодня.

Лариса. Лучше будет, если придет. Это как вырвать зуб — чем раньше, тем лучше.

Человек в халате. Однажды я встретил зубного врача, фамилия которого была Трезубов. А Трезубов был косметический хирург. Еще можно вспомнить фехтовальщика Кровопускова, антидопингового инспектора Дурманова.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Человек в халате. Бывает, что фамилия прямо указывает на род занятий человека. И это случается чаще, чем вы думаете. Может быть, и сейчас нам удастся что-то извлечь из этого факта.

Филипп (*подходя к окну*). Это он. (*Вглядывается.*) Нет, не он.

Человек в халате. На вашем месте я не подходил бы к окну так часто. Выражаясь точнее, вообще не подходил бы к окну. Зачем суетиться? Увидите вы, как он переходит улицу, или не увидите — это ничего не изменит. Выпейте чаю.

Филипп. Не буду пить. (*Смотрит на Человека в халате, как будто только сейчас его увидел.*) Что этот человек здесь делает?

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Филипп (*оборачиваясь к Ларисе*). Кто он такой?

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Человек в халате. Кто я такой? Я думаю, вы уже поняли, что на этот вопрос нельзя ответить исчерпывающим образом. Вам нужно мое имя? Профессию? Отпечатки пальцев? Наверное, вы что-то другое имели в виду. (*Откусывает от пирога, пьет из чашки.*) Могу только с уверенностью сказать, что я не генерал, не поэт и не дядя. Не ваш и не чей-нибудь. Можно считать, что меня как бы и нет, а вот кто такие будете вы?

Лариса. Как это кто?

Филипп. Это в каком смысле кто?

Лариса. А действительно — кто мы?

Человек в халате. Вы — треугольник. Вы двое, плюс тот, кого ждете.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Филипп. В каком смысле треугольник?

Человек в халате. Вместе вы — треугольник: муж, жена... и, вероятно, муж в перспективе — то есть некто как бы друг, у которого в планах — стать мужем. Так ведь?

Филипп. Примерно так.

Человек в халате. Назовем их «муж первый» и «муж второй» — не спрашиваю, кем из них предполагаете быть вы.

Лариса. И они двое должны объясниться друг с другом, как мужчина с женщиной.

(Филиппу.) Выпей чаю.

Филипп. Не буду пить, я сказал.

Лариса. Вот ведь какой упрямый.

Человек в халате. И вот второй встречает первого и говорит как муж мужу... что так-то и так-то.

Филипп. А первый ему: «Столько лет жили, и все ничего, и вдруг — на тебе».

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Филипп. Именно так он и скажет, я его знаю.

Человек в халате. А второй ему: «Пришло, значит, время упорядочить наши отношения».

Филипп. «Упорядочить» — то самое слово. Вот именно, что упорядочить. *(На время задумывается.)* А если я — номер первый, как насчет этого случая?

Человек в халате. Так вы, оказывается, первый?

Филипп. Утверждать не буду, но мало ли как могут сложиться обстоятельства.

Человек в халате. Тогда предложите ему выпить чаю.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Филипп. Чаю не буду. И вообще, я не думаю, что должен говорить с ним о чем-то, первый он или второй. Слова пусты. Я считаю, что конфликты должны разрешаться действием.

Это принцип.

Лариса. Будет драка?

Филипп. Я не это имел в виду, а что в ходе естественного развития событий всё должно встать на свое место.

Лариса. То есть ты предлагаешь тихо сидеть на берегу реки, и ждать, когда мимо проплывет труп твоего врага? Любимый твой метод.

Филипп. Труп? Почему ты сказала «труп»?

Лариса. Не труп, выигрышный лотерейный билет. Тебя устроит?

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Филипп. Разрешен, разрешен, разрешен... Чаю не буду. Говорить ничего не буду. И вообще уйду отсюда. *(Уходит.)*

Лариса *(человеку в халате).* А вы?

Человек в халате. Я не спешу.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается. *(Пауза.)* Переход через улицу Шестопанова запрещен.

Человек в халате. Он еще вернется. А пока можете считать, что меня здесь почти что нет. *Оба какое-то время сидят молча и неподвижно, потом Лариса не выдерживает.*

Лариса. Кажется, голосилка замолчала. И вообще, с ней что-то не так. Неравномерные промежутки... и частит. Редкая старушка должна успеть дойти до середины дороги.

Человек в халате. Причины могут быть две: неисправность устройства и (*подходит к окну*) неравномерность течения уличного времени по сравнению с нашим, комнатным. С точки зрения логики правомерны обе альтернативы. **И** вот, посмотрите.

Лариса (*подойдя к окну*). Да, одни люди, гляжу, еле шевелятся, а другие бегают как тараканы. Забавно. А вот и Филипп. Никак не перейдет на ту сторону. Был ведь сигнал, что запрещено, а он у нас такой законопослушный. Примерный такой мальчик.

Человек в халате. Не такой, может быть, и примерный.

Лариса. Уж оба они мне надоели — и второй и первый (*отходит к столу, садится, наливает себе из бутылки*).

Человек в халате. Меня здесь нет, можете быть как дома.

Лариса. А? Присоединяйтесь.

Человек в халате (*присоединяясь*). А к вашему Филиппу я бы относился снисходительней. **И** ко второму тоже (или он — первый?). Травма рождения — это, знаете, на всю жизнь отпечаток. Понимаете, когда младенца, только что родившегося на свет, разлучают с матерью — из медицинских каких-то предписаний от материнского тепла уносят в какую-то чуждую неизвестность — на два, даже на три дня — по младенческим меркам на целую вечность... Такое не может пройти бесследно.

Лариса. Бедненькие. А откуда вы это знаете?

Человек в халате. Никакого секрета. В то время во всех родильных домах был такой порядок. Я думаю, что за ним скрывалась на годы вперед спланированная операция зарубежных спецслужб. Ведь что имеем — рвутся нити естественной привязанности между матерью и ребенком. Закладывается фундамент будущих отношений — то есть ребенок, когда вырастет, так же равнодушно будет относиться к своим детям. **И** так далее. Если бы такой эксперимент провели над какими-нибудь зверушками, они бы вымерли через несколько поколений.

Лариса. Но ведь как-то живем.

Человек в халате. Враг просчитался. Все-таки у человека есть неизведанные запасы прочности.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Человек в халате (*как бы размышляя*). Разрешен, разрешен, разрешен... Враг, однако, коварен. Вместе с нитями детской привязанности рвутся другие нити... — разрешен, разрешен... — в обществе людей от человека к человеку тянется множество нитей — разрешен, разрешен, разрешен — некоторые из них рвутся, и вот человек уже не уступит в автобусе место старушке, и не пойдет в едином порыве с песней и в ногу — разрешен, разрешен — в колонне со всеми, а если пойдет, то в какую-то не ту сторону.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Человек в халате. Но не будем о мрачном. Хотите фокус? (*Вынимает из кармана некое устройство — коробочку с кнопкой. Нажимает кнопку.*)

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Человек в халате. Правда, интересно? (*Нажимает кнопку несколько раз подряд.*)

Голос с улицы. Время перехода заканчивается. Переход через улицу Шестопанова разрешен. Время перехода заканчивается. Переход через улицу Шестопанова разрешен.

Лариса. Как это у вас получается?

Человек в халате. Вот так. **И** не говорите никому. Пусть это будет нашей маленькой тайной.

Лариса. Дайте посмотреть.

Человек в халате (*вкладывая ей в руку коробочку*). Кнопочку нужно слегка качнуть вверх-вниз, как у вас в мобильнике. Сильно не нажимайте.

Лариса кладет палец на кнопку.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается. Переход через улицу Шестопанова запрещен. Переход через улицу Шестопанова запрещен.

Лариса. Запрещен, запрещен, запрещен... Я, кажется, что-то сломала.

Человек в халате. Ничего, мы сейчас это поправим. *(Берет ее руку с коробочкой, накрывает ладонью).* Пальчик вот ставим легко сюда и остороженько легко вот...

Голос с улицы *(возможно, что к этому времени в механическом голосе появляются живые человеческие интонации, которые время от времени появляются и в дальнейшем, вариант — голос остается механическим, без интонаций).* Переход через улицу Шестопанова запрещен. Переход через улицу Шестопанова запрещен. Переход через улицу Шестопанова запрещен. Улицу генерала. Улицу генерала.

Человек в халате. Генерала, генерала... Какой-то сбой. Что ж, бывает.

Входит Ипполит. Человек в халате прячет коробочку в карман.

Ипполит. Я не смог перейти дорогу. Перейти дорогу. Перейти дорогу.

Лариса. Кажется, там что-то сломалось со светофором.

Ипполит. О светофоре не знаю. Если вслух сказано «переход запрещен» — я не пойду даже на зеленый. И там всюду полно милиции. Проезд по улице, по-моему, тоже закрыт.

Человек в халате. Полиции.

Ипполит. Ага, полиции. Полиции и ОМОНа. Я пошел вдоль тротуара, и у перекрестка меня остановили. Кстати, почему это милиция стала полицией, а ОМОН остался ОМОНОм? Может, я что-то путаю?

Человек в халате. Отряд мобильный. Теперь это так.

Ипполит. Значит, все правильно. Ну, я, естественно, решил пройти проходным двором. И там во дворе... *(Подходит к столу, наливает себе, пьет.)* Там подвал за второй аркой справа... дверь туда была открыта, а за дверью, за дверью, за дверью... стоял Гмырь.

Лариса. Гмырь?

Ипполит. Он, кажется, увидел меня, но я убежал.

Лариса. Ты не оглядывался?

Ипполит. Оглядываться нельзя, когда Гмырь, я знаю.

Лариса. Так оглядывался или нет?

Ипполит. Нет, не оглядывался.

Лариса. А я сегодня хотела пройтись по магазинам...

Раздается стук в дверь.

Лариса *(шепотом).* Это Гмырь.

Филипп *(из-за двери).* Откройте.

Ипполит. Это Гмырь, не открывайте ему. *(Пауза.)* А, может, не Гмырь. *(Пауза.)* Если не Гмырь, то — Филипп. *(Пауза.)* Или, все-таки, Гмырь?

Филипп. Откройте.

Лариса. Если Филипп, у него должен быть ключ.

Ипполит. У тебя есть ключ?

Филипп *(открывая дверь ключом).* Спасибо. А я думал, не заперто. *(Входит.)* Я не смог перейти дорогу. Перейти дорогу. Перейти дорогу. Если вслух сказано «переход запрещен» — это больше, чем красный сигнал светофора. И там всюду было полно милиции и ОМОНа. Проезд по улице, по-моему, тоже закрыт. Я пошел вдоль тротуара, и у перекрестка меня остановили. А в проходном дворе, дворе, дворе... стоял Гмырь. Я побежал, не оглядываясь. Знаю, что нельзя оглядываться, когда Гмырь.

Лариса. А я сегодня хотела пройтись по магазинам...

Филипп (*меняясь в голосе*). А уже здесь, перед дверью... Это ужасно! (*Всхлипывает, вытирает глаза платком.*) Мне вспомнилось... когда я был маленьким... это, кажется сразу после рождения... Но так ясно, словно сон наяву. Я лежал в палате вместе с другими... было холодно... то есть формально, по градусам Цельсия, было, наверное, тепло... но в каком-то другом смысле — жутко холодно. Почти как в морге... то есть на столах все лежали, как в морге, и у каждого к ноге была привязана картонка с номером... И было тихо, никто не плакал, хотя — младенцы... Ну, ведь это же страшно, когда не плачут — правда? (*Возвращается к двери, запирает ее на ключ.*)

Лариса. Ты что, подслушивал?

Филипп. Это в каком смысле?

Лариса. У нас тут разговор был на детскую тему.

Человек в халате. Как раз об этом обычае отнимать ребенка у матери сразу после рождения и перемещать в общую палату. Это, знаете, серьезно — рвутся нити естественной привязанности между ребенком и матерью и так далее, с вытекающими последствиями. Вот не так давно был случай, когда молодая мать...

Филипп. Вы хотите сказать, что я стоял здесь под дверью и слушал, а потом стал что-то такое придумывать в тему... с какой это стати?

Человек в халате. Успокойтесь. Спонтанная регрессия — это бывает. Хотя обычно наша память не заглядывает так глубоко. А что касается драматичных подробностей — не придавайте значения. Память склонна фантазировать. Или, может быть, на фоне регрессии имело место предвосхищение событий, взгляд в будущее... в котором каждый из нас будет вот так лежать на столе... с номерком привязанным... или почти каждый. У вас прежде были случаи предвидения событий? Может быть, вещие сны снились. Нет?

Филипп. Нет.

Ипполит. А мне снились.

Филипп. Здравствуй, Ипполит.

Ипполит. И ты здравствуй.

Филипп. Кажется, нам пришло время поговорить как мужчина с женщиной.

Ипполит. Мужчина с женщиной, затем и пришли.

Филипп. Поговорить.

Ипполит. Прояснить отношения, отношения, отношения... Господи, столько лет жили, и все ничего, и вдруг — на тебе.

Филипп. Ага. (*Подходит к столу, садится, наливает себе, пьет.*) Это сходство с моргом... не оставляет меня... как-то гнетет до сих пор. И еще... мне показалось, когда вспоминал, что кто-то снял с моей ноги номерок... или он сам отвязался... а потом привязал снова. Это фантазия памяти да?

Человек в халате. С точки зрения логики не исключены оба варианта.

Филипп. Тогда, может быть, он уже не мой номерок привязал, а чей-то другой. И в итоге выходит, меня подменили на кого-то другого, и я — это уже не я?

Лариса. Бедненький. Иди, я тебя пожалею.

Человек в халате. В принципе такая подмена возможна... и с новорожденными младенцами это проделать проще, чем с мертвецами. Их еще плохо знают в лицо в том мире, куда они пришли, — то есть младенцев. Но ваше «Я» здесь ни в коем случае не страдает. Это местоимение всегда указывает на того, кто его произносит — независимо от того, кем он является на самом деле.

Филипп. Значит, я это я — уже облегчение. Но остается вопрос — кто я.

Человек в халате. Трудно сказать. Допустим, к примеру, что вы с Ипполитом лежали младенцами в одной палате и вас перепутали друг с другом... Тогда все равно вы в полной

мере остаётся Филиппом, а он — Ипполитом, потому что имена вам дали уже после того, как перепутали.

Филипп (*после паузы*). Не совсем так, потому что имя мне выбрали еще до рождения. Так что, родившись, я уже сразу был Филиппом... или Ипполитом?

Ипполит. А мне еще раньше выбрали имя. Заранее решили назвать по дедушке.

Филипп. Тогда выходит, что ты в какой-то степени Филипп, а я в какой-то степени — Ипполит. То есть я — это как бы отчасти ты, а ты — отчасти я.

Ипполит. Точно. (*Пожимают друг другу руки.*)

Лариса. Вы что, ошизели? Между вами три года разницы.

Филипп. Но представить-то можно, если хочется...

Ипполит. Допустить с точки зрения логики... А?

Некоторое время все сидят за столом, молчат.

Человек в халате. Я про случай хотел сказать, когда молодая мать... или не такая уж молодая, потому что ребенку было года три, не меньше... он мог, конечно, открыть холодильник, но сварить пельмени еще не умел, а она... у подруги был день рождения, день рождения, день рождения... и опомнились через две недели в двухстах километрах за городом.

Ипполит. У нас у дачного соседа был козлик. Они ему оставили воду в ведре, когда уезжали, а козлик опрокинул ведро и умер от жажды.

Человек в халате. В доме с водопроводом ребенок, естественно, не мог умереть от жажды, да он и не умер от жажды, то есть умер, но не от жажды.

Лариса. От голода, значит... Так бывает? (*Пауза. Стук в дверь.*) Постой... Вы на что намекаете? Во-первых, не умер, во-вторых — не две недели, а всего-то два дня. И вообще, я думала, что у меня есть муж, на которого я могу положиться.

Филипп. Я был в командировке, ты знаешь.

Лариса. Ты всегда в командировке, когда нужен.

Филипп. Так разобрались уже во всем, что вспоминать.

Стук в дверь повторяется.

Человек в халате. Вы, между прочим, не виноваты. Это условия, в которые вас поставили при рождении... вас, вашу мать, вашу бабушку... разрыв естественных связей между ребенком и матерью на протяжении трех поколений...

Лариса. А кто говорит, что мы виноваты? ... И бабушку мою прошу не трогать.

Человек в халате. Я и не трогаю. Бабушку. Меня, можно сказать, почти что нет.

Стук в дверь и детский голос.

Детский голос. Мама!

Лариса. Коля? Коленька? (*Пауза.*) Это не Коля, это Гмырь.

Филипп. Я открою дверь, это Коля.

Лариса. Не открывай! Признайся, ты оглянулся по дороге, ведь оглянулся.

Филипп. Я знаю, нельзя оглядываться, когда Гмырь. (*Пауза.*) Ну какое это теперь имеет значение.

Детский голос. Мама, открой!

Филипп. Это Коля.

Лариса. Коля у бабушки, ты ведь знаешь. (*Человеку в халате.*) Он живет у бабушки, ему там хорошо. После того случая мы отправили его к бабушке. Ему хорошо, хорошо, хорошо... Ему хорошо. Мы, конечно, скучаем без него, но ему там лучше.

Филипп. Ну и что ж, что у бабушки. От бабушки сел в трамвай и приехал.

Лариса. Он же маленький.

Филипп. Но самостоятельный. Сам таким был.

Лариса. В четыре-то года.

Филипп. Да, в четыре. Был.

Детский голос. Мама, мама, мама.

Ипполит. Я слышал про одну собаку, которая сама садилась в трамвай и несколько остановок в нем ехала, чтобы добраться до дома.

Филипп. Вот видишь, даже собака может, а ребенок по любому умнее.

Лариса. Ребенок... ребенок... ребенок... *(Пауза.)* Ну давай, открой ему дверь!

Филипп нерешительно направляется к двери. Останавливается.

Детский голос. Мама, открой!

Филипп. Мне кажется, что это, может быть, все-таки Гмырь.

Лариса. Тебе правильно кажется. И что теперь будем?

Филипп *(Ипполиту)*. А как эта твоя собака попадала в то место далеко от дома, откуда садилась в трамвай. С какой стати она там оказывалась? Я правильно не въезжаю в проблему?

Ипполит. Зачем попадала? Не знаю.

Сильный стук в дверь.

Лариса *(Филиппу)*. Ну сделай что-нибудь, скорее.

Ипполит. Можно забаррикадировать дверь шкафом.

Лариса *(обреченно)*. Если бы все было так просто.

Филипп. А подвесить сверху над дверью ведро со святой водой?

Ипполит. И когда его окатит, ему будет уже не до нас.

Человек в халате. Гмырь не боится воды.

Филипп. Тогда воду вылить под дверь. А сверху подвесить голый электрический провод под напряжением.

Лариса. Ты такой выдумщик.

Человек в халате. Гмырь только ловит кайф от напряжения в 220.

Филипп. Тогда сделаем коктейль Молотова. Есть скипидар, водка, оливковое масло. Если взболтать, должно получиться очень горячее.

Ипполит. А также липуче.

Человек в халате. Бесплезно, от Гмыря нет средства кроме серебряной пули.

Филипп. Тогда не знаю, что делать.

Ипполит. Я тоже не знаю.

Человек в халате *(Филиппу)*. Не мое дело напоминать, но вспомни, что у тебя лежит в нижнем ящике комода под тряпками.

Филипп лезет в ящик и вынимает оттуда большой пистолет.

Филипп. Вау! А я и забыл совсем.

Ипполит. Вау! Я и не знал, что у тебя есть такая штука.

Лариса. Откуда это у тебя?

Филипп. Однажды летним днем я шел по улице. Погода летняя была. Светило солнце. И вдруг меня остановили двое. Комплект ножей купить мне предложили. Совсем задешево. Я их хотел послать, не получилось. Хотел уйти, они не отпускали. К стене прижавши, стали предлагать купить другие острые предметы. Складной карманный нож американский, в котором много-много разных лезвий, потом мачете длинное, топорик, тесак тяжелый, чтоб рубить капусту, для сыра ножик, и другой — для фруктов. Всего и не упомнить, что там было. А старший из двоих, весь бородатый, откуда-то достал вот эту штуку и ей крутил перед моим лицом, наверное, для силы убеждения. Я, наконец, сказал: «Вот эту штуку, вот эту самую, да-да, вот эту, эту. Вот эту именно купил бы я, пожалуй». Они и согласились — с трудом, но сразу. Не правда ли, скажи, все так и было?

Человек в халате. Размер, мне кажется, хромает,
и рифмы где-то не хватает.

А в остальном все верно.

Лариса. И сколько это стоило?

Филипп. Не помню. Они сказали, что почти задаром. *(Человеку в халате.)* Да. А как же серебряные пули?

Человек в халате. У меня как раз есть, совершенно случайно завалялось в кармане.
Полный магазин и все серебряные. Сейчас, знаете, столько нечисти развелось в лесах.
Потому ношу с собой.

Достает из кармана магазин, присоединяет к пистолету, возвращает Филиппу.

Филипп. Вау! *(Принимает позу, держа пистолет двумя руками. Целится в один угол, затем в другой.)*

Человек в халате. Надо снять с предохранителя.

Стук в дверь.

Голоса полицейских. Откройте, полиция.

Снова стук в дверь. Никто не обращает внимания.

Филипп. Понял. И даже знаю как *(производит необходимую операцию)*. Теперь стрелять?

Человек в халате. Стреляй прямо сквозь дверь.

Лариса. Стреляй быстрее.

Детский голос. Мама, мама, мама!

Филипп. Не могу, а вдруг это действительно, Коля.

Лариса. Тогда иди, открой ему дверь.

Ипполит. Я вспомнил. *(Пауза.)* Я вспомнил насчет собаки. Они с хозяином каждый день там ездили. Он работал кем-то таким — то ли вахтером, то ли охранником, и собаку брал с собой на службу. А потом он умер, а собака про это не знала. **И** продолжала самостоятельно ездить по этому маршруту.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова, разрешен, разрешен, разрешен.

Филипп. Снова заработала.

Лариса *(глядя на человека в халате)*. Это ничего не значит.

Голос с улицы. Запрещен.

Детский голос. Мама.

Ипполит. И все открывали двери перед этой собакой.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Ипполит. Кормили ее.

Детский голос. Мама.

Ипполит. А потом собака умерла тоже.

Лариса. Все умерли.

Детский голос. Мама, открой.

Лариса. Открой ему, или пристрели, наконец.

Ипполит. Она, наверное, надеялась найти своего хозяина.

Филипп. А-а-а! *(Уводя ствол вверх, стреляет в сторону двери. Выстрела нет.)* Кажется, я все-таки не снял его с предохранителя.

Человек в халате. Однажды я встретил зубного врача, фамилия которого была Трезубов.

Раздается звонок в дверь.

Голоса полицейских. Откройте, полиция.

Лариса. Слава богу!

Филипп *(подходя к двери)*. Если это полиция, то что ей от нас нужно? А если это не полиция...

Ипполит. Тогда это Гмырь, это Гмырь, это Гмырь.

Филипп. А документы у вас есть?

Голоса полицейских. Документы, документы... У нас есть документы. Откройте дверь.

Филипп. Нужно открыть дверь, чтобы посмотреть на их документы.

Лариса. Не открывай, это Гмырь.

Филипп. А если это действительно полиция? *(Оборачивается к двери.)* У вас есть ордер... на все такое?

Голоса полицейских. Ордер, ордер... Ордер есть. *(Пауза.)* Нам не нужно ордера.

Ипполит. Была бы у нас здесь собака, она бы почуяла, если Гмырь.

Голоса полицейских. Есть сведения, что в вашей квартире скрывается террорист. Он вооружен и очень опасен.

Филипп. Подождите. Мне нужно посоветоваться со своим адвокатом.

Голоса полицейских. Ждем три минуты. *(Пауза.)* Ждать не можем. *(Пауза.)* Ждем три минуты.

Ипполит. Кто здесь у нас вооружен?

Человек в халате. Он! *(Показывает пальцем.)* А кто вооружен, тот тем самым уже опасен.

Филипп. Вот я уже и опасен.

Ипполит. Но он ведь не террорист? Это так? Может быть, террорист — это он *(смотрит на человека в халате)*. Мы ведь его совсем не знаем.

Лариса. Я знаю. И он не террорист.

Человек в халате. Вот-вот. И вообще можно считать, что меня здесь почти что нет.

Филипп *(громко в сторону двери)*. Здесь никого нет... Почти.

Голоса полицейских. Выходите по одному, руки за голову. *(Пауза.)* Считаю до восемнадцати. Один.

Филипп. Почему до восемнадцати, нас ведь всего четверо?

Голоса полицейских. Два.

Человек в халате. Трое, меня можете не считать.

Голоса полицейских. Три.

Филипп. Как это, не считать.

Человек в халате. Ну, хорошо — три с половиной.

Голоса полицейских. Четыре с половиной. *(Пауза.)* Десять следующих пропускаем. Тринадцать.

Филипп. Должно быть пятнадцать, он пропустил только восемь.

Лариса. Стреляй, пока он не кончил счет!

Голоса полицейских. Четырнадцать.

Филипп. А, может, это все-таки полиция?

Лариса. Это Гмырь, стреляй.

Филипп *(поднимая пистолет)*. Сейчас выстрелю. Один... два...

Голоса полицейских. Пятнадцать.

Филипп. Три... А вдруг все же вдруг, все же вдруг...

Человек в халате. А ты предпочел бы полицию и считать, что это Гмырь, или Гмыря и считать, что это полиция?

Филипп. Не знаю. Все плохо.

Человек в халате. А я — знаю. *(Подойдя сбоку, берет в ладони руку Филиппа — ту, которая с пистолетом, нажимает курок. Гремит выстрел, но Филипп успевает увести ствол вверх)*

Голоса полицейских. Шестнадцать... Семнадцать.

Все падают на пол, зажимая уши руками.

Голоса полицейских. Восемнадцать.

Из-за двери раздается автоматная очередь. Все лежат.

Дверь приоткрывается и в комнату летит граната.

Комнату заволакивает дымом. Человек в халате выбрасывает гранату в окно. Бросается к Ларисе, закрывая ее своим телом. Взрыв за окном.

Лариса (лежа под человеком в халате). Хватит, пусти. (Пытается высвободиться.)

Пусти же, ну. Что ты делаешь?

Человек в халате (оставаясь в том же положении). Кто-то ведь должен закрыть женщину своим телом.

Филипп. Вставай. *(Приставляет пистолет к спине Человека в халате.)* Хватит.

Человек в халате медленно поднимается.

Человек в халате. Ты, кажется, делаешь успехи. *(Оборачивается к Ларисе.)* И ведь знаешь, он реально готов был выстрелить.

Лариса. Скажи, ты действительно выстрелил бы?

Филипп. Откуда я знаю?

Ипполит. Выстрелил бы. То есть я бы на его месте выстрелил.

Человек в халате. Неужели?

Ипполит. Может быть. Только пистолет ведь у него. И это несправедливо.

Филипп. Это мой пистолет, я купил его за свои деньги, в то время как мог купить американский нож или тесак для капусты.

Ипполит. А я купил у этих людей американский ножик, ну и что. Пистолета у них уже не было. Но беру свои слова обратно. Справедливо, всё очень справедливо. Но асимметрично.

Человек в халате. Мы это поправим.

Голоса полицейских. Восемнадцать. *(Пауза.)* Я уже говорил восемнадцать?

Очередь из-за двери. Все падают.

Ипполит осторожно поднимается и закрывает дверь на ключ.

Лариса. Давно пора.

Филипп. Если не прекратите стрельбу, буду расстреливать заложников.

Голоса полицейских. Согласны. Перемирие три минуты. *(Пауза.)* Перемирие восемнадцать минут. *(Пауза.)* Десять пропускаем. Остается восемь.

Человек в халате. Что касается асимметрии, то пожалуйста.

Вынимает из-за пазухи пистолет, передает Ипполиту.

Ипполит. Я всегда считал, что пистолет в руке круто меняет человека. *(Направляет пистолет на Филиппа.)* Встать!

Филипп. Пожалуйста. *(Поднимается с пола.)*

Ипполит. А теперь поговорим, так сказать, по мужски.

Филипп (Ларисе). Вот что-то такое я и имел в виду.

Лариса. Дебилы.

Человек в халате. Неотъемлемое право каждого — быть дебилом. Это демократия.

Филипп. Расходимся на восемнадцать шагов?

Ипполит. Здесь нет столько.

Филипп. Десять скинем. Остается восемь.

Расходятся, считая шаги. Становятся в позу.

Ипполит. Кто-то должен дать нам команду.

Человек в халате. Считаю до восемнадцати. *(Пауза.)* Один... Семь... Восемнадцать. *Автоматная очередь из-за двери, все падают.*

Человек в халате (*продолжая лежать*). Я встречал зубного врача по фамилии Трезубцев.
Филипп. Трезубов.

Человек в халате. Трезубов — это другой. А Трезубцев был тоже. И фехтовальщик Кровопусков, и два Доброскока, Александр и Дмитрий, — чемпионы по прыжкам в воду... Еще есть астроном Глазенап — то есть глазеющий в трубу на звезды. Это я к тому, что фамилия Шестопанов вполне может указывать на профессию этого замечательного человека, точнее — на род занятий. И мне кажется, что это все-таки генерал.

Лариса. Ура! Мне так хотелось, чтобы это был генерал.

Человек в халате. Прямых указаний ожидать не следует, но суммы косвенных оказывается вполне достаточно. Ну, во-первых, слова «шестопан» нет в словаре, но самое близкое к нему слово — «шестопёр» (оно совпадает с нашим с точностью до двух последних букв) означает ударное оружие вроде булавы, которое является — внимание — символом власти военачальников. А начальник, то есть «пан» явно присутствует в слове, более того «шестопан» очевидным образом читается как «шестой пан», то есть «шестой начальник». Кто же этот начальник? В ряду слов, обозначающих воинские звания, мы видим следующие: лейтенант, капитан, майор, подполковник, полковник — их пять, а шестым оказывается как раз генерал. Итак, шестой пан — это генерал.

Лариса (*хлопая в ладоши*). Я знала! Я знала!

Голос с улицы. Улица генерала, улица генерала, улица генерала...

Филипп. Генерала, не генерала — какая разница. (*Поднимается с пола, занимает свою дуэльную позицию. Ипполит тоже становится на свое место.*) Начинаем без всякой команды.

Дуэлянты поднимают пистолеты. Вдруг Филипп начинает смеяться.

Ипполит. Прекрати.

Филипп. Сейчас. (*Продолжает смеяться*). Сейчас-сейчас.

Ипполит. Прекрати смеяться. Я не могу стрелять, когда смеются.

Человек в халате. Это не смех у него, это нервный тик.

Ипполит. А мне какое дело?

Филипп. А я вообще не могу стрелять — не могу целиться в лицо человеку. Думал, ничего такого, а оказалось, что не могу.

Ипполит. Целься в живот.

Филипп. Спасибо, не пойдет. Не. Я думаю, нам надо стреляться через непрозрачную перегородку. Я не буду видеть твоего лица, ты не будешь — как я смеюсь.

Ипполит. Через дверь.

Автоматная очередь из-за двери, все падают. Филипп два раза стреляет по двери.

Филипп. Через дверь фиг попадешь.

Ипполит. Ох. (*Отползает в сторону.*)

Человек в халате. Первая кровь! Ура!

Филипп (*Ипполиту*). Что с тобой?

Ипполит молчит.

Человек в халате. Первая кровь! Это прекрасно!

Филипп. Что с ним?

Ипполит. Плечо.

Человек в халате (*декламирует*). Пуля пробила ему плечо. Хаджи-Мурат вырвал из бешмета вату, заткнул себе рану и продолжал стрелять.

Филипп. Вырвал из бешмета вату, и продолжал стрелять.

Человек в халате. Вырвал из бешмета вату и заткнул себе рану.

Филипп. И продолжал стрелять.

Ипполит. Не течет. Надо заткнуть, а кровь, кажется, не течет.

Человек в халате. Это непорядок. Должна течь.

Ипполит. Теперь течет.

Человек в халате. Прекрасно! (*Филиппу.*) Ты чувствуешь, что это прекрасно? Раньше тот, кто за дверью, прикрывался голосом ребенка, теперь пошла война в открытую. Кровь пролилась, выстрелы прогремели... Ура! Легко стрелять во врага, когда он тоже стреляет. Либо ты, либо он — так? Но ты, кажется, не рад? Не вижу блеска в глазах. Как это говорят по-русски — забздел или, может, зассал? Боишься получить пулю? Не ссы, солдат, разве думаешь, ты бессмертен. Подойди сюда.

Филипп подходит.

Человек привязывает к ноге Филиппа картонную бирку.

Филипп. Зачем это?

Человек сметает со стола чашки и блюда. Разворачивает и двигает стол.

Человек в халате. Ложись.

Филипп послушно ложится на стол лицом вверх.

Человек в халате. Что ты разлежся, как труп в морге? Ложись в боевую позицию, солдат... Ты еще не труп, хотя когда-нибудь им будешь. Раньше ли позже, не все ли равно. Это ведь уже было с тобой — ты помнишь — ты ведь уже лежал здесь, — с привязанным номерком — и недаром лежал — как это говорят... не прошло даром... не прошло, потому что, так оно и задумано, чтобы не прошло...

Филипп переворачивается на живот. Под прикрытием стены (так расположен стол) целится в дверь.

Человек в халате. Стрелять по цели через дверь все равно, что играть в рулетку.

(Спокойно подходит к двери, рисует на ней два кружочка — с правой и с левой стороны.)

Враг стоит сбоку двери за стенкой справа и слева, и если высунется, стреляя, его головы будут примерно здесь и здесь. (*Показывает.*) А если не высунется, то не будут. Но ты лови шанс.

Филипп. Две головы? Значит, это все-таки полицейские?

Человек в халате. Тебя оно еще волнует? (*Отходит от двери.*)

Филипп прицеливается, потом опускает ствол.

Филипп. Не понимаю. Мне кажется, что в эту дверь столько раз стреляли... она должна быть насквозь в дырках от пуль. Сквозь нее уже должно быть все видно.

Человек в халате (*после паузы*). Всякая дверь может быть либо открыта, либо закрыта. Если она открыта, через нее все видно и пули пролетают сквозь нее, не оставляя следов. Если она закрыта, то через нее ничего не видно, и пули, пролетая насквозь оставляют, в ней следы в виде дырок.

Филипп. Но я этих следов не вижу, их нет.

Человек в халате. Значит, наши рассуждения неполны. Следует допустить существование двух других вариантов: дверь закрыта, но пули пролетают сквозь нее, не оставляя следов и дверь открыта, но сквозь нее ничего не видно.

Филипп. А вариант, когда дверь открыта, но пули, пролетая насквозь, оставляют в ней следы в виде дырок?

Человек в халате. Довольно! Враг на пороге, враг хитер, враг коварен, враг не дремлет. Враг не варяг. Врагу не сдаемся. Врагу рагу. Когда ты на линии огня — не время рассуждать о вариантах.

Голос с улицы. Переход через улицу Шестопанова, переход через улицу Шестопанова, переход через улицу Шестопанова...

Голоса полицейских. Устремив свои мысли на высшее Я, свободный от вожделения и себялюбия, исцелившись от душевной горячки, сражайся, Арджуна!

Человек в халате. Восемнадцать!

Автоматная очередь. Филипп стреляет два раза. Ипполит тоже стреляет, переложив пистолет в левую руку.

Голоса полицейских. Вы окружены, сопротивление бесполезно.

Филипп. Я промазал? *(Громко.)* Что ж, буду расстреливать заложников. Вы слышите?

Лариса. Господи, ну сделайте что-нибудь.

Человек в халате. Я встречал зубного врача по фамилии Трезубов.

Лариса. Трезубов, Трезубов, Трезубов.

Человек в халате. Глазенап, Глазенап, Глазенап. Доброскок раз, Доброскок два.

Ипполит. Кровопусков, Кровопусков... Кровопусков — он вполне мог бы быть хорошим детским хирургом.

Филипп. Шестопан... шестопер... шестопуп... *(Пауза.)* Расстреливать заложников... так всегда делают.

Человек в халате. Шестопанов раз, Шестопанов два...

Лариса. Улица Шестопанова закрывается...

Человек в халате. Кто за то, что он генерал, поднимите руки. *(Поднимает руку.)*

Лариса. Я— за. *(Поднимает руку.)*

Филипп. А мне — пофиг, генерал это или нет.

Человек в халате. Пиши — один воздержался.

Филипп. Я бы поднял руку за Глазенапа — можно?

Человек в халате. Поднять можно.

Лариса. А Ипполит?

Ипполит. Рука болит. Отстаньте.

Человек в халате. Значит, единогласно. *(Достает из кармана свою коробочку, нажимает кнопку, говорит как в микрофон.)* Генерал Шестопанов? С вами говорят террористы из дома... *(Ларисе.)* Какой номер дома?

Лариса. Восемнадцать.

Человек в халате. Громче.

Лариса. Восемнадцать!

Автоматная очередь через дверь.

Человек в халате. Террористы из дома восемнадцать по вашей улице. *(Пауза.)* Вашего имени, да. *(Пауза.)* Уж так получилось. Как говорится, назвался груздем... *(Пауза.)* Хотим обсудить условия сдачи...

Голоса полицейских. Никаких условий. Выходите по одному, руки за голову.

Человек в халате. Мы хотели бы предварительно отпустить женщин и детей.

Голоса полицейских. Никаких условий.

Человек в халате. С точки зрения логики это не условие, а предложение.

Долгая пауза.

Человек в халате. Молчание — знак согласия. *(Берет Ларису за руку и подводит к двери.)*

Лариса. Я боюсь.

Филипп. Ключ. *(Бросает человеку ключ от двери.)*

Человек в халате. Открыто. *(Ловит ключ и бросает обратно.)*

Человек в халате открывает дверь. Лариса не решается пройти. Человек подталкивает ее. Идет следом. Между тем Филипп подходит и приставляет пистолет к спине человека.

Филипп. Ты не уйдешь.

Человек в халате. А я как бы договорился с генералом... Секретный пункт к соглашению.

Филипп. Никаких пунктов. *(Ларисе.)* Иди.

Лариса. Я боюсь одна.

Человек в халате. Всё будет путем, не бойся. *(Передает Ларисе коробочку.)* Помнишь?

Пальчик ставишь легко сюда — и осторожненько, легко... Когда выйдешь на улицу, нажмешь. Случится что — нажмешь раньше.

Лариса скрывается за дверью. Из-за двери доносятся странные звуки.

Филипп. И что теперь?

Ипполит. Расстреливать заложников.

Филипп. Точно *(В сторону двери!)* Эй, там, вы меня слышите? *(За дверью молчат.*

Филипп стреляет в дверь.) Вы слышите меня? *(Молчание!)* Мы выходим. *(Еще раз стреляет в дверь.)* А если *(стреляет)* вы *(стреляет)*... короче, всем стоять руки за голову и если шаг вправо или влево...

Ипполит. А также на месте.

Филипп. Шаг вправо, влево, на месте и заложник будет расстрелян. *(Стреляет в голову человека в халате, но тот успевает увернуться.)* А он, между прочим, друг вашего генерала Шестоплясова.

Человек в халате. Шестоплясова — это женская фамилия.

Филипп. Пардон, Шестопанова. *(Пауза.)* И ты тоже руки за голову.

Человек в халате подчиняется. Филипп медленно отпирает дверь ключом. Ипполит становится рядом. Филипп ударом ноги открывает дверь — до этого она, возможно, открывалась в другую сторону). За дверью никого. И — темнота. В темноте странные звуки. Ипполит осторожно проходит в дверь, делает несколько шагов и возвращается.

Ипполит. Я все гадал: Гмырь там или полицейские, а оказалось, что никого.

Филипп. Но кто-то стрелял оттуда, кто-то произносил речи...

Ипполит. Стрелял в последние полчаса исключительно ты. С речами — то же самое.

Филипп. Ну, полчаса, впрочем, не полчаса...

Человек в халате. Я опущу руки?

Филипп. Стой, как стоял. *(Закрывает дверь. Оборачивается к Ипполиту.)* Смотри, что получается. С той стороны двери Гмыря нет? — Нет. — Значит, логически рассуждая, можно сделать вывод, что он с этой стороны двери? — Так?

Человек в халате. Прилежный ученик.

Ныркком уходит из-под руки с пистолетом. Убегает зигзагами. Филипп стреляет.

Ипполит стреляет с левой руки.

Человек в халате *(вскрикивает, убегая).* Два! Восемь! Шесть! Одиннадцать!

Ипполит. В живот стреляй, в живот!

Человек в халате *(вскакивая на подоконник).* Восемнадцать!

Раздается автоматная очередь. Все падают. Филипп в падении стреляет. Человек прыгает вниз (или падает, сбитый выстрелом). Гаснет свет. В темноте странные звуки, затем — тишина.

Долгая пауза.

Голос с улицы *(теперь это голос Ларисы).* Переход через улицу генерала Шестопанова разрешен.

Загорается свет.

Комната без следов беспорядка. Стол, стулья — всё как в начале спектакля.

За столом сидят Филипп и Ипполит.

Какое-то время оба молчат, потом Ипполит выходит и возвращается с чайником.

Начинает разливать чай по кружкам.

Ипполит. Все-таки это оказался генерал.

Филипп. Как мы и хотели.

Ипполит. Как хотела она.

Филипп. Да, как хотела она.

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

Ипполит. Как думаешь, она успела нажать кнопку?

Филипп. Не знаю.

Ипполит. То есть, я хотел спросить: то, что произошло — оно произошло потому, что она успела нажать кнопку, или потому что она не успела нажать?

Филипп. А что, собственно, произошло?

Ипполит (*подходит к окну, смотрит*). Ну, что-то, безусловно, произошло.

Филипп. Только мы не знаем, что из того, что произошло, произошло на самом деле, а что вроде бы и не произошло.

Ипполит. Рука вроде болит почти по-настоящему.

Филипп. Это правильно.

Пауза.

Ипполит. Мой пистолет пропал.

Филипп. Мой — тоже, а я его, кажется, нормальным образом купил на улице.

Ипполит. Или ненормальным.

Филипп. Хотя мой принцип — на улице с рук ничего не покупать.

Ипполит. Это правильно.

(Пауза.)

Голос с улицы. Переход через улицу генерала Шестопанова разрешен.

Ипполит. Разрешен, разрешен... Давай, поедem в Черногорию летом.

Филипп. Почему в Черногорию?

Ипполит. Там море... И еще... там в церквах проводят красивый обряд братотворения... это вроде венчания, но для мужиков... соединение рук, целование... с молитвами, перед аналоем... союз, конечно, чисто духовный.

Филипп. Разумеется, чисто духовный.

Ипполит. Адельфопоэзис — это еще называется так. Красивое слово.

Филипп. Греческое. Поэтому — чисто духовный.

Ипполит. Поэтому — красивое. А что оно означает?

Филипп. Да то самое и означает.

Ипполит. И мы с тобой были бы, как эти... не помню кто.

Филипп. Я тоже не помню... Только мы с тобой здесь опоздали лет на полтора, если не больше.

Ипполит. Понимаю. *(Пауза.)* Я так и думал, что опоздали. Но представить-то можно?

Филипп. С точки зрения логики, почему не представить?

Пауза. Гаснет свет.

Филипп (бормочет). Почему не представить, почему не представить, почему не представить...

Голос с улицы. Время перехода заканчивается.

КОНЕЦ

2014 г.